

*Борис
Вайнер*

На улице, ТИХОЙ И ВЛАЖНОЙ

131

Из жизни ангелов

* * *

Нет у ангела пола,
А ещё – потолка.
Только крылья и голос,
Слышный издалека.

Ангел крыльями машет,
За собой нас зовёт;
О, как птенчик отважен,
Что решился на взлёт,

А узнал и паденье –
Потому что всегда
Двуедино движенье,
Двуполярна звезда,

И неявно решенье,
И туманна тропа
Между сенью и тенью,
Между пан и пропал,

Между ликом и лихом,
В непролазной тщете,
Где ни в озере тихом,
Ни в звенящем дожде

Ни живую, ни мёртвой
Не бывает вода,
Где ни бога, ни чёрта,
А верней – ни черта.

* * *

На улице, тихой и влажной
От двухчасового дождя,
Я ангела встретил однажды,
Пустынной тропой проходя.

Хотя одному только небу
И ведомо, кто ему свой...
Но если он ангелом не был,
То клеткою был стволовой –

Невидной, неслышной, начальной,
Эфирной на вечных весах.
И космос мерцал inferнальный
В его родниковых глазах,

Как словотворящая бездна
За краткой строкою Басё:
Ещё ничего не известно,
Уже предназначено всё.

И тучкой смятенье парило
Над детской его головой:
В незнаемый край уходил он
Неверной дорогой земной,

С надеждою хрупкой на милость
Своей отдаваясь судьбе...
И светом нездешним светилась
Жемчужинка в нижней губе.

Старый трамвай

Глаза пустынные стеклянные,
Зубовный скрежет, звон и лязг –
Каких судеб обетованное,
Каких любовей, войн и дрызг?

Какую жизнь (смешную? горькую?),
Как тень рябая по лицу,
Своими пробежал задворками
Он по железному кольцу?

Куда домчать ему мерещилось,
Что этот выбрал он маршрут?
Зачем он в сны не верил вещи
О том, что рельсы уберут?

Как тело брэнное трамвайное
Из зноя вынес и дождя
И неужели – знание тайное
Хранит, из круга выходя?

Ремейк

...Волшебна ли, обыкновенна
Или ни два, ни полтора –
Она по сути неизменна,
Как кошки с мышкою игра.

Из вдохов, выдохов и вздохов
Она что в этот миг, что в тот,
Что в отзвучавшую эпоху,
Где с марта начинался год

Строкой-другой мартиролога,
Апрель цедил то прель, то сок,
Май в синей майке у порога
Качался с пятки на носок,

Июнь вьюнковый, тополиный,
Спешил одеться от-кутюр,
Юлил в листве июль шмелиный,
Был август густ, как конфитюр.

Сентябрь сентенциями сыпал,
Октябрь октавами бренчал,
Ноябрь брёл на пару с гриппом,
Декабрь капризы привечал –

И шёл, не враг и не товарищ,
На коду кругооборот,
Где каши с январём не сваришь
И не моргнув февраль соврёт.

Половник

Г. Г. Маркесу посвящается

Никто Половнику не пишет
И не заходит просто так.
А для залётных пары мышек
Не друг Половник и не враг.

А что хозяйка? Что хозяйка...
Она хозяйка, да не здесь.
А где хозяин? Угадай-ка:
Всё колобродит где невесть.

А где девчонка? Счастья ищет
Который год в чужой стране.
А где мальчонка? В поле свищет,
Не дозовёшься по весне.

А где старушка? А старушки
Как увезли – с тех пор и нет.
А жучка с муркой? А подружки
За бабкой следом – и привет.

Никто Половнику не пишет.
Он думу думает свою:
Пойду-ка, думает, для мышек
Водицы в блюдечко налью...

Ворон

Слева облачка свеченье,
Справа листики «шу-шу» –
Я бежал из заключенья,
Я на лавочке сижусь.

Мне не спится, не поётся,
Я сегодня сам не свой,
Оттого, видать, и вьётся
Чёрный ворон надо мной:

Взор грознее пистолета
(Чистый опер из угро),
Отливает фиолетом
Воронёное перо –

На воздушном океане
Без руля и без ветрил
Где он только не цыганил,
С кем знакомства не водил,

Над отверстою могилой
Nevermore не пел кому...
И зачем, скажи на милость,
Тихий лавочник ему?

Я невиден и приватен,
На двери моей – засов.
Не ищу на солнце пятен,
Не вздымаю парусов.

Что в природе происходит –
Всё давно предрешено.
Что ни день светило всходит,
Что ни ночь темным-темно,

Все при деле: орки воют,
Шелкопряды тянут нить,

Туча мглою небо кроет –
Верно, нечем больше крыть,

Коноплю растит ботаник,
Детский сад ушёл в загул,
Из болота всплыл «Титаник»,
В речке «Боинг» затонул,

На базаре пошукали –
Безголового нашли,
Пока голову искали,
Ноги встали и ушли;

Вот и я пойду, пожалуй,
С толстой сумкой на ремне.
Променяю гнев на жалость:
Много жалости во мне.

Мурку жалко, жучку жалко,
Жалко трезвых и хмельных,
И училку-бормоталку,
И здоровых, и больных,

Жалко ближних, жалко дальних,
Жалко свет и полусвет,
Жалко бабочек вокзальных,
А себя – уже и нет.

Не увенчан, не увинчен –
Человек как человек.
У меня на ужин нынче
Чудо-юдо рыба хек.

Выйдет месяц из тумана,
Глянет в окна к рыбаку,
Даль старинного романа
Перемелется в муку,

А с утра поспеет тесто
Для руки и для огня...
Это время с этим местом
Не сойдутся без меня.

Ты не вейся, птица ворон,
Над мою головой,
Не надейся, птица хоррор:
Я не свой – но я не твой.

три песенки

Оловянный,
деревянный
и стеклянный

Три словечка, что, как водится в природе,
Ничего ещё не значили вчера,
Прилетели вдруг совсем не по погоде,
Словно бабочки с осеннего двора:
«Оловянный, деревянный и стеклянный» –
Белым мелом на оранжевой стене...
И негаданно, а может, и нежданно
Догадался я, что это – обо мне.

Разве я не попадал, солдатик стойкий,
Между двух на поражение огней?
Разве я не говорил себе: «Не ойкой –
Верно, другу и врагу ещё больней»?
Разве рядом с ненаглядной и желанной,
На которую похожей не найти,
Я не таял, человечек оловянный,
От любви – и от печали впереди?

Разве лодочку теченьем не крутило
И не вынесло неведомо куда?
Разве денежку, как юный Буратино,
Не закапывал я в землю никогда?
Разве я, дитя неверное чулана,
Где засовы да паучья злая сеть,
Не боялся, человечек деревянный,
Как полешко неприметное сгореть?

Ясным вечером на перевале горном
Разве сам я не просвечивал насквозь?
Лампой матовой при столике игорном
Разве мне потом бывать не довелось?
Разве карта припасённая не бита?
Разве всё на небесах не решено
И судьба моя смешная не разбита,
Словно мячиком нечаянным окно?

Оловянный, деревянный и стеклянный,
Я по жизни, как по острову, кружу
И, как будто на знакомую поляну,
К старой школе раз за разом выхожу,
Где мальчишка хрестоматию читает –
И над стриженою чёлкою его
Три словечка, легкокрылые, летают
И пока ещё не значат ничего.

Одна седьмая

И каким тебя теченьем
В нашу гавань занесло?
То ли на море волнение,
То ли время подошло –
Ледяная, снеговая,
Ты явилась предо мной:
Над водой одна седьмая,
Остальное – под водой.

Под горою волны бродят,
В небе ангел пролетел...
Может, это всё Мавроди
Навертел промежду дел?
Может, встреча роковая
Нам назначена судьбой?
Над водой одна седьмая,
Остальное – под водой.

По стене ползу отвесной
Я как местный идиот –
Потому что, как известно,
Умный гору обойдёт.
Но зачем же так сияет
Этот месяц золотой?
Над водой одна седьмая,
Остальное – под водой.

Отчего, как майский веник,
Распускается душа?
Я не знаю объяснений,
Я не знаю ни шиша –
И того, что будет с нами
В дальней дымке голубой:
Над водой одна седьмая,
Остальное – под водой.

Мир для Сонечки

Для моей соседки Сонечки,
Что в слезах сто раз на дню,
Не подлунный, а подсолнечный
Мир я нынче сочиню.
Побегут из ручки буковки,
Как из норки муравьи...
Он тебя заждался, луковка,
Если нравится – живи!

Там давно созрели семечки,
Там дожди – наперечёт,
Там улыбчивое времечко
Не торопится течёт,
Там тарелки в небе кружатся
С огоньками по бокам,
Там танцуется и дружится
Человечкам и жучкам.

Там весёлый посередочке
Запевает самовар –
Я гляжу на танцы с лодочки,
Перелётный аватар, –
И кипит, и не кончается
Кутерьма на берегу...
Помашите мне на прощаньице –
Я остаться не могу.

